

дущего), оставалась ли церковью их толка с собственным сакральным действием, или же обе формы существовали параллельно.

«Дневники» Т. Гиппиус, в полной мере этого вопроса не проясняют, вместе с тем отрефлексированные автором события и факты позволяют заключить, что «внутренняя церковь», неохристианская коммуна и «ложа» были звеньями одной цепи, этапами одного пути в духовной практике и религиозно-общественной деятельности Мережковских и их последователей.

© Г. В. Обатнин

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ В. В. БОРОДАЕВСКОГО

(ПО АРХИВАМ Ф. К. СОЛОГУБА И СЕСТЕР ЧЕБОТАРЕВСКИХ)

В дневнике секретаря Пушкинского Дома Е. П. Казанович 10 сентября 1922 года была сделана следующая запись: «Вчера милый Верховский принес мне стихи Бородаевского и читал их целый вечер. Какой это прекрасный поэт и как странно, что никому не известен! А между тем настоящий, большой, не уступающий, пожалуй, Брюсову, а кой в чем, быть может, и превосходящий его! И я до вчерашнего дня понятия об нем не имела. Впрочем, я ведь вообще крайне невежественна. Вот Маша, та, наверное, знает, о Бородаевском и Верховском, а я даже Верховского знаю, кажется, по двум стих(отворе)ниям, написанным им в мои альбомы. Зато самого его успела узнать как милого, тонкого, культурного, добродушного, с маленькой хитрецей, деликатного, умного, способного и чисто-русского лежебоку-байбака».¹ А вечер следующего дня Евлалия Павловна провела с Федором Сологубом, надеясь уже в третий раз получить от него запись в альбом Пушкинского Дома, о чем также оставила для потомства мемуарную запись.²

Мы привели суждение Казанович в качестве оценки творчества Валериана Валериановича Бородаевского человеком, симпатизировавшим поэтическим поискам начала века и, судя по сохранившейся толстой тетради ее стихов и прозы, всю жизнь упражнявшимся в любительском сочинительстве, но далеким от сложившихся ранжиров.³ По ним место, занимаемое Бородаевским в литературе, определялось возле Вячеслава Иванова. В автобиографии, написанной для С. А. Венгерова, сам поэт сообщал, забывая упомянуть свой первый сборник «Страстные свечи»: «Первая книга стихов (Стихотворения. Элегии, Оды, Идиллии, стр. 89) выпущена в 1909 году издательством „Оры“, с вступительной статьей Вячеслава Иванова. В статье этой, как кажется, дана исчерпывающая характеристика книги, а, может

Геннадий Владимирович Обатнин — лектор кафедры современных языков (русский язык и литература) университета Хельсинки.

¹ РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 20. Л. 216—217.

² Обе купированы в публикациях: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 176; Свидетельство очевидца. Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступ. статья, публ. и комм. А. Конечного и В. Н. Сажина // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 111.

³ В день знакомства со стихами Бородаевского Казанович, некогда бывшая, если судить по ее мемуарам, восторженной слушательницей Д. Н. Овсяннико-Куликовского на Бестужевских курсах, написала свое стихотворение, стилизаторский характер которого очевиден хотя бы по его первому четверостишию: «Придешь ли, друг, когда умру, / Пролить слезу к моей могиле? / И песнь изменнице — Далиле / Ты пропоешь ли поутру?» (РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 64. Л. 205). Тетрадь, куда записан его черновой автограф карандашом, начинается с отроческих опытов, датированных 1895 годом.

быть, и вообще моей лирики <...>. ⁴ Однако сам Иванов в предисловии к сборнику И. Н. Голенищева-Кутузова «Память» критически оценивал свое участие в литературной судьбе Бородаевского: «Во избежание недоразумений, полезным кажется мне предупредить, что Илья Николаевич Голенищев-Кутузов вовсе не мой ученик (как не был моим учеником и покойный Валериан Бородаевский, чей самобытный дар я отметил и пытался определить в предисловии к его первому сборнику, — что, кстати сказать, не мало повредило ему на журнальной бирже поэтических ценностей, королем которой в то время был мой друг и антагонист, Валерий Брюсов)». ⁵

Бородаевский вошел в число авторов антологии «Мусажета» (1911) и сам считал, что Брюсов помещенные там его стихи «довольно кисло похвалил». ⁶ С. Дурылин в относительно недавно опубликованных скупых пояснениях к персоналиям участников этой книги вспоминал о Бородаевском в том же ключе: «Это был поэт, особенно ценимый Вячеславом Ивановым. Он и вышел из школы Вячеслава Иванова. Стихи его родственны, а, вернее, детственны Вячеславу». ⁷ Однако, судя по редакционным пометам на наборной рукописи «Антологии», Белый оценивал его отдельно еще до того, как Бородаевские увлеклись антропософией: «Независимо от данных стихов Бородаевский *крупная личность* и большой талант. Стихи же данные *одобряю*. Бугаев». ⁸ Были у него свои поклонники и в среде «малых поэтов» символизма. Например, по выходе той же «мусажетовской» антологии Л. Столица восторженно писала А. М. Кожебаткину 22 июня 1911 года: «Очень, очень благодарю Вас за исполненное обещание — присылку великолепной „Антологии“. Поистине, это — лучший дар для поэта! Стихи, стихи, — и только стихи... Но какие! Наши старшие поэты здесь такие подлинны мастера; младшие — такие хорошие ученики. Особенно мне понравились Вяч. Иванов — с его духовными стихами, Кузмин с одним незабываемым сонетом, „скиты“ Бородаевского, „Венеция“ — Волошина». ⁹ В упомянутой автобиографии сам Бородаевский указывал еще на двух ценителей его стихов: «Из более значительных по объему и содержанию статей о моей поэзии могу назвать исследование Юрия Верховского в № 3 журнала „Отклики художественной жизни“ за 1910 г. и статью Сергея Городецкого „Византийский

⁴ См.: «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. 1915 г. / Публ. подг. И. П. Михайлова // Исторический архив. 2012. № 3. С. 185.

⁵ Голенищев-Кутузов И. Память: Стихи / Предисловие написал Вячеслав Иванов. Париж: Парабола, 1935. С. 5—6; см. также: Голенищев-Кутузов И. Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений. Pisa; Томск; М., 2004. С. 233.

⁶ См. письмо к Иванову от 19 августа 1911 года: Глухова Е. В. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 523. Подробнее о негативном отношении Брюсова, кстати, познакомившегося с поэтом раньше Иванова, см.: Там же. С. 494; Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...» // Бородаевский В. Посох в цвет: Собр. стихотворений / Сост., подг. текста и прим. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; послесловие и комм. к воспоминаниям М. А. Бородаевской, Е. В. Глуховой. М., 2011. С. 313, 333—334.

⁷ Дурылин С. Комментарии к «Антологии» // Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М., 2014. С. 354.

⁸ Отзыв впервые опубликован Е. Глуховой (см.: Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 325), повторно: «Антология» издательства «Мусажет» в комментариях С. Н. Дурылина / Сопроводит. статья и комм. М. Ю. Гоголина и А. И. Резниченко // Книгоиздательство «Мусажет». С. 333.

⁹ ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 514—515. Л. 1—2. К этому моменту корреспондентка уже встречалась с Бородаевским на собраниях в «Мусажете» весной того же года. В качестве контрапункта к этому высказыванию приведем суждение Н. Гумилева о том же цикле: «Валериан Бородаевский не очень интересные темы рассказал не очень хорошими стихами» (цит. по: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 126). Справедливости ради добавим, что его оценки первой и второй книг стихов Бородаевского не были столь однозначными, совмещающая как положительные («за его стихами стоят года раздумий»), так и негативные («тусклы по тонам», образы «бывают не всегда продуманы») мнения (Там же. С. 83, 85).

Лик” («Речь», 1914 г. № 175)». ¹⁰ В сборнике четырех курских поэтов раздел Ю. Богатогорского (псевдоним будущего историка Г. Е. Рейхберга) предварен эпиграфом из Бородаевского, который вел в Курске в 1920 году кружок поэзии. ¹¹ Ценителем творчества Бородаевского был Е. Архиппов, снабжавший свои тексты эпиграфами из его произведений и живо интересовавшийся его судьбой в письмах к А. Звенигородскому, который, напротив, остался к поэзии Бородаевского равнодушен. ¹² Стоит напомнить, что О. Мандельштам для составлявшейся им в 1922 году антологии русской поэзии XX века выбрал его «Стрижей» (т. е. стихотворение «Вкруг колокольни обомшелой...»). ¹³

Иванов был прав, не считая Бородаевского своим учеником, поскольку его формирование как поэта и мыслителя состоялось задолго до их знакомства в 1909 году. ¹⁴ Более того, к этому моменту Бородаевский вовсе не был новичком в столичной литературной и культурной жизни. Обстоятельства знакомства сам Иванов рассказывал М. С. Альтману, о них повествуется в мемуарах М. А. Бородаевской, но мы приведем давно известное специалистам, но лишь относительно недавно опубликованное свидетельство С. П. Каблукова, который 14 сентября 1909 года записал в дневнике: «На днях вышла изданная Вяч. Ив. Ивановым книга стихов Валериана Бородаевского с пред. Иванова («Оры», 1909, ц. 85 к.). В одно из свиданий с Ив-м я упомянул про г-на Бородаевского, которого один раз видел у В. Вас. Розанова. Иванов рассказал, что Бородаевский прислал ему как-то свои стихи, плохо изданные, озаглавленные „Страстные свечи“. Ему долго не хотелось терять время на чтение этой книги и понадобились новые просьбы Б-ского и присылка второго экз-ра, чтобы добиться внимания Иванова. Прочтя эти стихи, Иванов сразу оценил громадное и оригинальное дарование нового начинающего поэта, посоветовал ему уничтожить плохое издание стихов, издать их на свой счет» ¹⁵

¹⁰ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185—186. Некоторые из идей, высказанных в рецензии Верховского на вышедший в «Орах» сборник, мы некогда пытались контекстуализировать в статье: *Обатнин Г. Из наблюдений над модернистским историзмом // Varietas et concordia: Essays in honour of professor Pekka Pesonen on the occasion of his 60th birthday. Helsinki, 2007. С. 413. Со своей стороны Бородаевский также высоко оценил второй сборник Верховского «Идиллии и элегии». Получив его от автора, он писал ему 5 августа 1910 года: «Большое Вам спасибо, дорогой Юрий Никандрович, за Ваш прекрасный подарок. Книга издана безупречно со стороны красоты и стиля, и стихи Ваши получили достойную оправу. В целом они дают впечатление большого внутреннего единства и высокого мастерства» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1262. Ед. хр. 6. Л. 2; цитируется также в примечаниях к книге: *Верховский Ю. Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 831).**

¹¹ 4: [Сборник стихов] / Богатогорский Ю., Еськов А., Загоровский П., А. К. Курск, 1922. С. 13. Псевдоним раскрывается в книге: *Бугров Ю. А. К уединенному долу. Жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск, 2006. С. 46.*

¹² *Архиппов Е. Рассыпанный стеклярус. М., 2016. Т. I: Стихотворения и проза. С. 137, 141; Т. II: Письма. С. 395, 399.*

¹³ *Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 285.*

¹⁴ Датируя их встречу, Е. В. Глухова справедливо опирается на ивановский инскрипт на «Кормчих звездах», написанный 24 февраля 1909 года (см.: *Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 318; текст надписи повторно опубликован, см.: Михайлова И. П. Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 212).*

¹⁵ Письма Бородаевского к М. М. Замятиной свидетельствуют о том, что сборник именно так и был издан. См., например, письмо от 31 марта 1909 года, которое доносит до нас его первоначальное заглавие: «Будьте добры не откажите сообщить мне, в каком положении находится издание моего сборника „Стансы“, переданного мною 26 февраля Вячеславу Ивановичу. Мне хотелось бы знать кроме того, какую именно сумму мне следует дослать Вашему Издательству для уплаты типографии, что я немедленно исполню по Вашему указанию. Обращаюсь именно к Вам, зная, что Вы ведете деловую часть „Ор“ и что Вам легче найти свободную минуту для ответа, нежели Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу, которому прошу передать мое сердечное приветствие» (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 69. Л. 1—2; частично цитируется в статье: *Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 319; обратит внимание, что с Ивановым поэт лично познакомился за два дня до передачи рукописи книги). См. также письмо тому же адресату от 3 мая 1909 года: «Будьте добры, не откажите сообщить мне, могу ли я рассчиты-*

изящной книжечкой с красиво написанным и умным предисловием. Эту книжечку прекрасных стихов я прочел два дня назад с живейшим удовольствием». Далее перечисляются особенно понравившиеся Каблукову стихи из сборника и даже приводятся две строфы из стихотворения «Маскарад любите погребальный...».¹⁶ Эту же строку частично процитировал Иванов в заключительном абзаце своего предисловия («И смерть для него — только погребальный маскарад»). А, по мнению Р. Д. Тименчика, Анненский, который оставил о сборнике несколько строк в статье «О современном лиризме»,¹⁷ «успел отразить впечатление» от нее в своей «Балладе»: «И качнулись клячи: / Маскарад печалей их измаял...»¹⁸

Позволим себе отчасти нарушить порядок изложения и заметим, что издание следующей книги стихов Бородаевского в «Мусагете» также не обошлось без фальстарта. Его обложка была оформлена не раз работавшим для издательства В. Фаворским, который по-своему интерпретировал название книги «На лоне родимой земли», поместив в центр изображение сеятеля в развороте движения руки.¹⁹ Из «закрытки» к Ал. Н. Чеботаревской, посланной 12 апреля 1914 года, мы в деталях узнаем, что именно это послужило причиной для замены:

«Многоуважаемая
Александра Николаевна,

Считаю нужным сообщить, что моя книга в том виде, какой был ей первоначально придан, не выйдет. Сверхъестественная виньетка (сделанная без моего одобрения), настолько возмутила моих приятелей, что обложку приходится сдирать и заменять другой. Заодно сама книга переименована мною в „Уединенный Дол“. Таким образом Вы имеете у себя некот(орого) рода библиографическую диковинку.²⁰

вать на выход моей книжки к 12—15 мая, так как примерно в этих числах я предполагал выехать за границу и мне хотелось бы дожидаться ее выхода». И наконец, открытку от 1 сентября, отправленную внутри Петербурга, где Бородаевский интересовался, можно ли увидеться с Ивановым «по вопросу о выпуске моей книжки» (Там же. Л. 3, 5). Именно к Замятинной писатель обращался и далее, интересуясь ходом ее продаж. См., например, открытку от 2 или 9 марта (дата размыта) 1910 года, где он не без иронии писал: «Забыл совершенно попросить Вас вчера — как хотел — справиться при случае у Вольфа о продаже моей книжки. Хотелось бы выяснить до отъезда. Кое-что продано: это я знаю наверно, ибо сам купил несколько экземпляров!» (Там же. Л. 9).

¹⁶ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / Вступ. статья, публ. и комм. Е. М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 275—276. 18 октября 1909 года Каблуков писал Иванову: «Прочел стихи Вал. Б-ского. Поздравляю Вас с дорогой находкой» (РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 65. Л. 6). См. также: Криволапова Е. М. Валериян Бородаевский в дневнике Сергея Каблукова // Авторские миры в художественном тексте XIX—XX веков: Материалы Международной научной конференции (Курск, 28—30 июня 2013 г.). Курск, 2014. С. 194—195.

¹⁷ Отметив в нем «разнообразие влияний» на поэта (Брюсова и «Мэнады» Иванова) и привел стихотворение «В недрах», в котором усмотрел «настоящую крепость» и «завидную простоту» (Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 380—381).

¹⁸ См.: Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века: Материалы конференции. Иерусалим, 2003. М., 2008. С. 396.

¹⁹ См.: «В большей части тиража книга была переименована в „Уединенный дол“ и вышла без гравюры на обложке» (Книжная графика В. А. Фаворского / Сост. Л. И. Чертков. М., 2012. С. 35). Благодарю С. М. Даниэля за помощь при ориентации в литературе вопроса.

²⁰ Судя по всему, именно такая диковинка оказалась и в руках А. Звенигородского, который писал Е. Архипову 18 января 1924 года: «На этих днях получил от Д. С. Усова в подарок на Новый год „На лоне родимой земли“ Валериана Бородаевского. Перечитал его дважды, но не нашел во всем сборнике ни одного стихотворения, которое бы вполне меня порадовало. Есть отдельные строфы, отдельные стихи, но вполне радующего стихотворения нет. (Далее следуют отдельные понравившиеся цитаты. — Г. О.). Поэт не моего калибра, не моего толка, хотя затрагивает во многих местах родственные мне темы» (фрагмент приводится в комментариях Т. Нешумовой к изданию: Архипов Е. Рассыпанный стеклярус. Т. II. С. 395—396).

Адреса все-таки жду!
Искренне уважающий Вас
Валериан Бородаевский». ²¹

Как уже отмечалось, «окончательным, в соответствии с волей издательства», следует считать «Уединенный дол», первая часть тиража которого (150—200 экз.) вышла под названием «На лоне родимой земли», замененным недовольным автором на новое, причем Н. Киселев в письме к Э. К. Метнеру предлагал взыскать неустойку с Бородаевского. ²²

Контакты Бородаевского с Федором Сологубом и его семьей, относящиеся к «до-ивановскому» периоду творческой биографии поэта, в литературе о нем пока лишь упоминались. Между тем то, как сам Бородаевский описывал начало своей поэтической деятельности, как будто больше подходит к поэтическому миру Сологуба: «Стихотворения стал писать 19-ти лет, получив творческий импульс от чтения очаровавшего меня Бодлера. „Fleurs de Mal” и, рядом, Баратынский и Тютчев становятся моими излюбленными книгами. ²³ Парадоксальная гармонизация света

²¹ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 3. В письме от 5 мая того же года из Кшени Бородаевский благодарил Чеботаревскую за предоставленные адреса и обещал, как только «Мусагет» выпустит мою книгу в измененном виде», отправить ей экземпляр в Петербург, а также «заодно» просил адреса Городецкого, Чулкова, Ремизова и Блока, дабы ее не беспокоить и послать им книгу «непосредственно» (Там же. Л. 6—7). Также см. вырезанный инскрипт на «Уединенном доле»: «На добрую память Владимиру Алексеевичу Пясту. В знак сердечного уважения автора 23 мая 1914» (РНБ. Ф. 414. Ед. хр. 19). Следующее, недатированное письмо к тому же адресату, видимо, было отправлено в течение мая 1914 года. Оно начинается фразой: «Посылаю Вам почтительно мою книгу. Завтра-послезавтра на Ваше имя вышло несколько экземпляров с большой просьбой вручить их по принадлежности. Делаю это только в тех случаях, когда адреса не знаю». Здесь же поэт просил адрес М. В. Кузьминского, а также адреса и отчества А. Кондратьева, С. Венгерова и редактора «Вестника Европы», как он замечал, «Славинского или Сливинского — что-то не помню» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 4—4 об.; в 10-й книжке этого журнала за 1910 год Бородаевский опубликовал цикл из двух стихотворений «Рондели»). Между строк рукой обязательной Чеботаревской карандашом написано отчество публициста и общественного деятеля, секретаря редакции «Вестника Европы» Максима Антоновича Славинского (Суворовский пр., 25), а также отчество Венгерова и его адрес.

²² Гоголин М. Ю. Об одном издании «Мусагета»: Поправки к каталогу // Книгоиздательство «Мусагет». С. 414; Дурылин С. Комментарии к «Антологии». С. 355—356. Об оттенках смысла, возникающих в связи со сменой заглавия, см.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 336—337. Отметим, что именно с Киселевым, который занимался техническими деталями издания (например, высылал корректуры), Бородаевский советовался относительно внешности будущей книги, например, 1 февраля 1914 года писал ему: «Теперь об обложке. Идеи винетки или рисунка у меня не сложилось. Остановился я на другом типе обложки — цветной, узорной, из той коллекции, которую Вы мне показывали. Если можно без задержки выписать подобную бумагу — я думаю это будет удачное решение вопроса. Название книги может быть наклеено вроде того, как это сделано „Скорпионом” для трагедии Уайльда. Не откажите высказаться по этому поводу и, если можно, прислать образцы бумаги. (...) Если получение обложечной бумаги дело медлительное, тогда конечно можно заказать и рисунок — как(ой-)ниб(удь) простой орнамент». После смены обложки он констатировал в письме от 5 мая: «Внешность книги превосходна изящной простотой. Еще раз благодарю Вас за Ваши хлопоты, которые были всячески осложнены» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 4. Ед. хр. 9. Л. 12 об., 37 об.; приношу искреннюю благодарность А. Л. Соболеву за сообщение этих материалов).

²³ Ориентация Бородаевского на пейзажную лирику Тютчева уже отмечалась в исследовательской литературе (например, см.: Михайлова И. П. Элегические традиции в лирике поэта В. В. Бородаевского // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. 2014. № 4. С. 118—120). Однако следы усвоения его наследия можно найти и на других уровнях (ср., к примеру, ритмико-синтаксическое тождество строки из шестого стихотворения цикла «Зима в деревне»: «Воюй, смирайся иль тужи» и хрестоматийного тютчевского «Молчи, скрывайся и тай»). С «певцом „Цветов зла”» Бородаевского сравнивал и Иванов в своем предисловии, а вслед за ним и С. Городецкий в упомянутой выше рецензии на «Уединенный дол», название которой также варьировало ивановское определение поэта как «византийца духа»: «В дух своих учителей — Шарль Бодлер (оригинально и очень верно понятом) и Вячеславе Иванове он нашел для себя ярчайший пример любви к пышным тяжестям в словесном искусстве (...)» (Городецкий С. Византийский Лик // Речь. 1914. 30 июня (13 июля). № 175. С. 3). Кстати, в заглавии обращенного к Иванову стихотворения «Багрянородному» (см. дневниковую запись последнего

и мрака, ведущих трагическую борьбу в душе человеческой, — вот что прежде всего предстало мне как задача лирического восприятия мира».²⁴ Сохранившиеся письма свидетельствуют совсем не о поверхностном общении и том уважении, которое Бородаевский испытывал к Сологубу. Уже первое его письмо, датированное 30 декабря (как будет видно далее) 1902 года, представляет собой просьбу разрешить посвящение:

«Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

Посылаю Вам стихотворение, посвященное Вам, вдохновленное Вами... Оно будет помещено в „Новом Деле”.²⁵ Я хотел лично просить Вашего разрешения поместить Ваше имя под заголовком, но, не решаясь беспокоить Вас, делаю это письменно. Если Вы даете разрешение на посвящение Вам (печатно) — будьте добры известить меня.

Я — недавний автор; печатался в „Книжках Недели”;²⁶ теперь состою сотрудником „Русского Вестника” (одно из стихотворений) помещено в январской книге).²⁷

С совершенным уважением
глубоко почитающий Вас

В. Бородаевский

Владимирская ул. д. 10 кв. 10

Валериану Валериановичу Бородаевскому».²⁸

Речь здесь идет о впервые опубликованном в № 7 «Русского вестника» за 1903 год стихотворении «Солнце-лира», которое с разночтениями вошло в «Страстные свечи», но не попало в сборник, изданный в «Орах».²⁹ Его белой автограф, также сохранившийся в архиве Сологуба, представляет собой вариант текста именно для первой публикации.³⁰ Во всех печатных вариантах оно имеет, очевидно, разрешенное посвящение.

Любопытно, что «вдохновленное» Сологубом стихотворение и содержательно, и формально являет собой скорее противоположность его лире. Это бросается в глаза уже на стилистическом уровне: еще до знакомства с Ивановым, но, возможно, уже симпатизируя особенностям его поэтического языка, Бородаевский использует

от 2 сентября 1909 года: «Прекрасен „Кремлев Дуб” («Багрянородному», — под которым он, как сказал вчера, разумеет — меня!) <...>» (Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. II. С. 799)) используется византийский династический термин, что делает этот текст возможным откликом на ивановскую дефиницию.

²⁴ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185.

²⁵ Вместо стихотворения в последнем, 12-м номере журнала «Новое дело» за 1902 год Бородаевский поместил статью «Литературные эскизы. „Новый Путь” (январь 1903 г.)», представляющую, по сути, оценку им мировоззрения и достижений декадентства ввиду только что вышедшей первой книги нового журнала. Отметим, что, упоминая «Новое дело», Бородаевский, возможно, подразумевал известность этого издания Сологубу, опубликовавшему там несколько своих стихотворений.

²⁶ В «Книжках недели» Бородаевский печатал свои стихи начиная с майского номера 1899 года (стихотворение «Кругом — одна лазурь. Прозрачен небосклон...»), а также в 1900 году.

²⁷ В журнале было опубликовано близкое к сологубовской теме косного мира стихотворение Бородаевского «Возле елки» (Русский вестник. 1903. Январь. С. 201; вошло в «Элегии, оды, идиллии», см.: Бородаевский В. Посох в цвету. С. 36), тема которого — непонятая взрослыми детская клятва в вечной любви. Примечательно, что в том же номере было опубликовано стихотворение Сологуба «Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?» (1897; см.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. М., 2014. Т. 2. Кн. 1. С. 393—394).

²⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 1.

²⁹ Например, см.: Бородаевский В. Посох в цвету. С. 353.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 6.

потенциал архаизмов.³¹ Содержание стихотворения составляет развертывание главного образа. Солнце здесь предстает как «музыка сфер», инструмент, на котором играет создатель мира:

Солнце-лира!.. Со струн золотых,
Где зачался хорал мироздания
И творящий восторг не затих,
Льется песня святого страдания.

И когда в первый час раздались
Под предвечной Рукой эти звуки, —
От огней твоих, Лира, зажглись
Все миры, все обители муки.

Лучи здесь сравниваются со струнами лиры:

Под стенанье пылающих струн
Понеслись круговыми стезями
Сонмы тусклых планет, бледных лун
И комет с голубыми крылами.³²

Трудно сказать, насколько глубоко автор был осведомлен об истории восходящей к Пифагору и Платону идеи космоса как воплощенной числовой (музыкальной) гармонии, укажем лишь, что пифагорейство мельком упоминается в его открытом письме к Розанову.³³ Однако в поэтическом мире Сологуба тех лет солнце (в отличие от луны) почти без исключений ассоциируется со злом, устойчиво заменяясь словом Змей. Например, в стихотворении «В паденье дня к закату своему...» (1902) герой риторически вопрошает самого себя: «Не ты ль хулил неистовство лучей / Владыки пламенного, Змия (...)»? Солнце — причина тоски, как, например, в стихотворении «Утро ласковое звонко...» (1894—1901). Герой адресует здесь к своей тоске, которая оставила его. Вместо ассоциации лучей со струнами Сологуб использует укорененный в традиции (ср. Феб-стреловержец) образ лучей как стрел:

Ты воскреснешь скоро, злая.
Минет краткий праздник мая,

³¹ Отметим в этой связи еще два независимых схождения во вкусах и мнениях двух писателей. Как известно из дневниковой записи М. М. Замятниной, уже существовавший замысел «былинного» произведения с главным героем Светомиром развился у Иванова во время лицезрения картины Васнецова «Три богатыря» (см.: *Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 33; см. также: Топорков А. Л. «Повесть о Светомире Царевиче» Вячеслава Иванова: От замысла до его воплощения // Иванов В. Повесть о Светомире Царевиче. М., 2015. С. 186—187). Не менее впечатлен был этим полотном и Бородаевский, который не раз упомянул его в своей статье «Литературные эскизы». «Богатырская триада» картины, по его мнению, «явилась как бы символом будущего и, может быть, главным образом благодаря этому, будя какое-то неясное, но глубокое чувство, картина имела такой исключительный успех» (Новое дело. 1902. № 12. С. 297). В конце статьи автор, приветствуя программу «Нового пути», возвращался к образам картины, толкуя их символически, как духовенство, интеллигенцию и народ (Илья Муромец), вышедшие вместе на «дорогу объединенной русской мысли» (Там же. С. 299). Ср. также отзыв Бородаевского в письме к невесте от 10 марта 1905 (?) года на рассказ Л. Андреева, появление которого Иванов отметил обширной рецензией в «Весах»: «Ты пишешь про „Красный смех“, — эту вещь я пробежал, действительно, написано сильно и ярко... Освободили ли автора от ареста?» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 9. Л. 18).*

³² Цит. по: *Бородаевский В. Посох в цвету. С. 125.*

³³ «Мистические числа в пифагорейском смысле — не мечта, не ложь» (*Бородаевский В. Из частной переписки // Новый путь. 1904. Февраль. С. 208*). Обзор основных вех развития идеи «космической гармонии», «музыки сфер», «небесной музыки» см.: *James J. The Music of the Spheres: Music, Science, and the Natural Order of the Universe. London, 1995*; на русском языке см. главу «Гармония сфер» в книге Л. Я. Жмуда «Пифагор и пифагорейцы» (М., 2012. С. 289—297).

Яркий змей на небесах
 Надо мною в полдень станет,
 Грудь мне стрелами изранит, —
 Ты придёшь в его лучах.³⁴

Единственное, что сближает стихотворение Бородаевского с мироощущением лирики Сологуба, — это присутствие в мировой гармонии боли, хотя бы и в надсоновском варианте «надорванного аккорда»:

И чем громче аккорд, чем больней
 Затрепещет под властной Рукою,
 Тем свободней, любовней, полней
 Мир сольется с надмирной Душою.³⁵

Опять-таки не ясно, держал ли в памяти Бородаевский платоновскую «мировую душу» из диалога «Тимей», которую, кстати, его Демиург делит непростым, выраженным в цифрах образом, но «всемирная душа» присутствует также в стихотворении Сологуба «Не кончен путь далекий...» (1901). Однако претекстом для стихотворения Бородаевского, скорее всего, все-таки служит знаменитое «шопенгауэровское» стихотворение А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...», где герой прозревает гармонию мира:

И так прозрачна огней бесконечность,
 И так доступна вся бездна эфира,
 Что прямо смотрю я из времени в вечность,
 И пламя твое узнаю, солнце мира.
 {...}
 И все, что мчится по безднам эфира,
 И каждый луч, плотской и бесплотный, —
 Твой только отблеск, о солнце мира!
 И только сон, только сон мимолетный.³⁶

Переживания героя лирики Сологуба в целом гораздо более дисгармоничны. Однако не исключено, что, посвящая поэту свое стихотворение, Бородаевский имел в виду настроения сологубовских текстов, опубликованных к 1902 году. Из книжных изданий Сологуба ему могли быть доступны лишь давно вышедшие «Рассказы и стихи» и «Стихи. Книга первая» (обе — 1896), поскольку «Собрание стихов. Книга 3 и 4» появится только в 1904 году в «Скорпионе». Составленная Т. В. Мисникевич под редакцией М. М. Павловой «Библиография Федора Сологуба: Стихотворения» (Томск; М., 2004) дает возможность очертить круг стихотворений, которые могли оказаться в поле зрения Бородаевского, и, кстати, вышеприведенные цитаты из Сологуба отобраны нами по этому принципу. Кроме того, в № 10 «Русского вестника» за 1902 год был опубликован цикл из двух стихотворений Сологуба «Белый ангел надо мною...» и «Все хочет петь и славить Бога...» (оба — 1898), достаточно маргинальных для его поэтических настроений. Второе из них развивает традиционную тему звучания мира как хвалы Всевышнему, которую поет и человек. Ее с некоторой долей сомнения можно связать с музыкальной при-

³⁴ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 212.

³⁵ Бородаевский В. Посох в цветку. С. 125.

³⁶ Фет А. Вечерние огни. М., 1979. С. 14—15 (сер. «Литературные памятники»). Обратим внимание также на фонетическую близость ключевых тропов этих двух текстов (солнце мира — солнце-лира). О роли пейзажной лирики Фета упоминалось в посвященной Бородаевскому литературе (см.: Михайлова И. П. Художественный мир поэта В. В. Бородаевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010. С. 20—21). О его внимании к пейзажу см.: Михайлова И. П. «Мои шаги — так скорбно малы». Личность и поэзия В. В. Бородаевского // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. № 2. С. 197—198.

родой мира по Бородаевскому, а само стихотворение посчитать его возможным ориентиром:

Все хочет петь и славить Бога,
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.³⁷

Следующее из сохранившихся писем Бородаевского к Сологубу датировано 11 июня, судя по содержанию, 1904 года. Из него мы, среди прочего, узнаем о личных встречах писателей:

«Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

Вот уже десять дней, как я в Польше, осматриваюсь и осваиваюсь; учусь польскому языку и скорблю о том, что петербургские академики, ампутирующие фигу и ять,³⁸ не поусердствовали над польским алфавитом. Вот тарабарщина! Сплошь и рядом четыре буквы произносятся как одна (напр. szcz=ш). — Язык понимается много легче.

Петроков³⁹ — маленький городок, на одну треть занятый садами цветущих каштанов и белой акации. ¼ часа ходьбы — и вы за городом — среди поля, прекрасно возделанного почти огородной культурой. — Поляки, кажется, „ведают легкость бытия”. (Цитирую — по моей скверной привычке, — на этот раз из Ваших стихов.)⁴⁰ Государственной жизни они создать не смогли, зато благоустроили личную, выгодно отличаясь от французского — тоже благоустроенного — мещанства. Они — всегда мечтатели; в них славянская нежность на наш вкус отдает чрезмерной <так!> сладостью; трудолюбие их не исключает беззаботности... не раз вспомнишь нашу нахмуренную лень.

³⁷ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 512.

³⁸ Требования упростить русское правописание, исходившие из кругов русской интеллигенции еще с 60-х годов XIX века, в 1904 году привели к созданию при Академии наук Комиссии по вопросу о русском правописании. Для разрешения возникших в ходе ее работы противоречий Отделением русского языка и словесности была образована Орфографическая подкомиссия, которая на своем заседании 12 апреля 1904 года предложила исключить из русского алфавита ряд букв. Предмет широко обсуждался в прессе. В поле внимания Бородаевского могла оказаться обстоятельная статья А. Будиловича «Академия наук и реформа русского правописания» (Русский вестник. 1904. Июль. С. 241—283).

³⁹ По воспоминаниям жены, в 1904 году Бородаевский «получил службу в Западном крае, в Петроковской губернии, как фабричный инспектор на участке Пабианице—Згерж» (Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями // Бородаевский В. Посох в цвету. С. 271; см. также письмо к ней Бородаевского от 18 января 1905 года с рассказом о его посредничестве между революционными рабочими Згержа и фабрикантами: РГБ. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 9. Л. 12 — 12 об.; об участии писателя в суде между ними см.: Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями. С. 271—272; о его службе, продлившейся до 1908 года, см.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 313, 316). Московскому буквисту П. П. Шибанову Бородаевский сообщил в открытке с датой на штемпеле 8 декабря 1908 года: «Покорнейше прошу Вас каталог „Новых Приобретений” направлять по новому моему адресу: Станция Кшень, Киево-Воронежской ж. дороги, Валериану Валериановичу Бородаевскому — ввиду того, что я оставил службу в г. Самаре» (РГБ. Ф. 342. Карт. 11. Ед. хр. 71. Л. 1; с 1885 по 1916 год вышло 168 каталогов «Антикварная кн. торговля П. Шибанова», см.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России до 1917 года (1925). М., 2012. С. 66).

⁴⁰ Источник цитаты не установлен. Возможно, в памяти Бородаевского трансформировались финальные строки стихотворения Сологуба «Не доживу до светлых дней...» (1901): «Перед всемирною кончиной / Изведать ясность бытия».

Впрочем, может быть, я и увлекаюсь.

Сейчас, по летнему сезону, Вы, верно, пишете много сказочек, которые, думаю, легче пишутся в буколической обстановке дач, чем в городе. С нетерпением жду обещанного Вами Вашего портрета, который хоть несколько напомнит наши беседы, в коих Вы так часто вели меня на буксире...

Шлю искренний привет Ольге Кузьминичне.

Искренне преданный

Вам Валериан

Бородаевский

Петраков <так!>

Александровская аллея

дом Крамковского (№ 18)». ⁴¹

Как явствует из следующего письма Бородаевского, датированного 10 августа 1904 года, Сологуб ответил лишь через месяц (нынешнее местоположение его письма неизвестно):

«Глубокоуважаемый

Федор Кузьмич,

Думал, что вполне позабыт Вами, когда пришло Ваше письмо. Спасибо за него и за фотографии, хотя, разумеется, предпочел бы Вашу. Буду очень признателен, если пришлете *книгу* Ваших рассказов; который из них огорчил цензуру — не милый ли паж? ⁴²

Только что прочел о тяжелых потерях Тихоокеанской эскадры и о штурмах Артура. ⁴³ Как будто уже слышится жуткий стон оскорбленной гордости, который пронесется через Россию... Какой ураган событий, перепутавший масштаб и понятия! Исключительное по своему внут<енному> значению Казанское происшествие кажется маловажным, а ведь, по существу, пробита брешь в официальной церковности, и никто об этом не заботится. ⁴⁴ — Конечно, Россию не согнешь и не сло-

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 7—8 об.

⁴² Для комментария воспользуемся удачной цитатой из статьи специалиста: «Сборник вышел из печати весной (не позднее мая) 1904 года в издательстве „Скорпион“, однако из-за цензурных нареканий тираж был арестован и поступил в продажу только во второй половине лета, причем из книги была удалена эротическая новелла „Милый паж“» (Павлова М. М. «Тогда мне дали имя Фрины...» (Из истории отношений Ф. Сологуба и Вяч. Иванова) // Русская литература. 2002. № 1. С. 222). Остается добавить, что рассказ Сологуба был впервые опубликован в № 8 «Весов» за 1906 год.

⁴³ Имеется в виду Шантунгское морское сражение — завершившаяся неудачей попытка русской эскадры вырваться из Порт-Артура во Владивосток, которая после боя 28 июля 1904 года была вынуждена частично вернуться в крепость, частично уйти в нейтральные порты и выбыть из войны, а крейсер «Новик» 7 августа затопить. Кроме того, разгромом закончилась попытка соединиться с владивостокской эскадрой, вышедшей навстречу тихоокеанской и потерпевшей неудачу в бою 31 июля. По позднейшим оценкам, это означало фактически гибель русского флота в Тихом океане (см.: История русско-японской войны / Ред.-изд. М. Е. Бархатов и В. В. Функе. СПб., 1906. С. 263—283). Атака на Порт-Артур началась уже 29 июля, однако первый штурм крепости состоялся 6 августа, а осада продолжалась до 20 декабря 1904 года, когда город был сдан японцам (см.: Военная энциклопедия. М., 1915. Т. XVIII (Паукер — Порт-Артур). С. 624—630). Прочсть об этих событиях Бородаевский мог практически в любом ежедневном периодическом издании, например, в серии статей Вронского (Беляева) «Военные заметки» в «Новом времени» (1904. 10 (23) авг. № 10216. С. 3).

⁴⁴ Судя по всему, имеется в виду кража в ночь на 29 июня 1904 года из Казанского Богородицкого Девичьего монастыря икон Казанской Божией Матери и Спасителя в драгоценных ризах, а кроме того, трехсот рублей церковных денег. Преступление было совершено накануне ежегодного праздника обретения иконы Казанской Божией Матери. Суд над подозреваемым в нем Ф. Чайкиным (наст. имя В. Стоян) начался 25 ноября того же года (подробнее об этом см.: Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Бо-

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2017

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Р. Ю. Данилевский. Вильгельм Гауф в русской литературе (к 215-летию со дня рождения писателя)	5
В. А. Котельников. «Немецкий текст» в жизни и творчестве А. К. Толстого (к 200-летию со дня рождения поэта)	22

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

С. А. Кибальник. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения	40
Н. А. Тарасова. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864—1865 годов)	51
В. Н. Захаров. Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове	61

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА

Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1929—1932) (вступительная статья, подготовка текста и комментарий К. М. Азадовского)	70
--	----

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Н. А. Хохлова. Об А. Д. Алексееве (к 95-летию со дня рождения)	113
О. С. Муравьева. В. Э. Вацуро: концептуальные аспекты творчества.	120

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Г. Бобров, А. М. Введенский. Летопись Авраамки: проблемы изучения	126
Николетта Марчалис (Италия). Александр, Ганнибал и Сципион: Разговор XII Лукиана Самосатского между Никола Перро д'Абланкур и М. В. Ломоносовым	143

А. И. Шеля (<i>Латвия</i>). Салон С. Д. Пономаревой и истоки «русской песни» 1820-х годов	149
А. Ю. Балакин , И. А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича (новые материалы)	162
М. М. Павлова . К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2	166
Г. В. Обатнин . К характеристике творческого пути В. В. Бородаевского (по архивам Ф. К. Сологуба и сестер Чеботаревских)	194
В. Б. Зусева-Озкан . Образ девы-воительницы в творчестве М. И. Цветаевой	212
Е. Р. Пономарев . От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям». Эмигрантское творчество И. А. Бунина в свете последних текстологических изысканий	228

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Д. М. Буланин . Лицевые апокалипсисы в Библиотеке Российской Академии наук	239
С. В. Березкина . Жанр «летописания» в науке о Пушкине	245
А. В. Крусанов . «Муза» Маяковского как объект научного изучения	248
О. Е. Осовский . «У меня еще остались родственники и однофамильцы в России, потому я настаиваю на псевдониме»: вымышленные имена русской эмиграции «первой волны»	250

ХРОНИКА

Т. Н. Галашева . Пятое Лихачевские чтения	252
С. В. Денисенко . Четвертая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все секреты мира: тайны в литературе и искусстве»	260
Ф. В. Панченко . Международная научная конференция «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания»	264
Памяти Сергея Георгиевича Бочарова	272
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2017 году	274

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс: (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

- © Российская академия наук, 2017
- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2017
- © Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2017
- © Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2017

мишь. Хотелось бы верить, что всеобщее брожение, которое задело даже князя Мещерского,⁴⁵ напротив, приведет к новым органически правильным кристаллизациям. И все-таки страшно подумать, что в промышленной Лодзи, где я нахожусь эти дни, три громадные фабрики напряженно и безостановочно работают исключительно траур — по специальному заказу.

Этой осенью собираюсь проехать за границу, а зимой, вероятно, буду в Петербурге, где надеюсь свидеться с Вами. Теперь позвольте мне задать Вам один деловой вопрос; сколько — Вы хотели бы получить за право издания в отдельной книжке Ваших сказок,⁴⁶ если бы находили удобным передать это право в другие руки?

Адрес мой все тот же:

Петроков (так!), Александровская аллея, дом Крамковского.

Мой привет Ольге Кузьминичне

Преданный Вам

Валериан Бородаевский». ⁴⁷

Последовавшее за этим письмо свидетельствует о том, что свою книгу «Жало смерти: Рассказы» (М., 1904), о которой просил поэт, Сологуб ему выслал. Из вошедших в нее произведений Бородаевский не отозвался только о рассказе «Утешение»:

«26 Авг(уста 1904)

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

С живым удовольствием прочел Вашу книгу, за которую приношу Вам мою сердечную благодарность. Украшением сборника, на мой взгляд, является второй рассказ — „Земле Земное“, как по свободному развитию действия, так и по чувству, проникающему рассказ. Конец удивителен, и тот аккорд, которым заключает-

жией Матери. Полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей. Издание редакции журнала «Православный собеседник». Казань, 1904. С. 3—13). В сонете Бородаевского «Казанская» (1913; вошел в «Уединенный дол») публичному празднику (видимо, как раз обретения иконы), противопоставляется ее явление тем, кто почитает этот образ «копеечною свечкой» (*Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 78).

⁴⁵ Имеется в виду отклик известного реакционного публициста и романиста В. П. Мещерского на теракт, в котором погиб министр внутренних дел В. К. Плеве 15 июля 1904 года. В редактируемом им «газете-журнале» «Гражданин» это событие, кроме обязательного некролога и возмущенной передовой, неоднократно служило предметом размышлений в разделе «Дневники», создававшемся, как всем было известно, самим редактором. Так, в записи от 19 июля Мещерский размышлял о качествах будущего нового министра и приходил к выводу, что «главными признаками сильной правительственной власти» должны быть «не меры преследования», но «зрелище твердого и честного исполнения воли Царя» (*Гражданин*. 1904. 22 июля. № 58. С. 18). В дневнике за 28 июля он уже отвечал своим оппонентам на обвинения в том, что выступил против Плеве, а также защищал свое право, оставаясь консерватором, говорить об ошибках политики покойного министра (Там же. 1 авг. № 61. С. 19—20). Это привело Мещерского к размышлениям о том, что такое консерватизм. В частности, он рассказал о том, как за последние два года из-за политики министерства внутренних дел разуверился в консерватизме официальном (см. дневники за 2 и 3 августа: Там же. 5 авг. № 62. С. 21—22). Его постоянным оппонентом выступал А. С. Суворин, поставивший в своих «Маленьких письмах» под сомнение правдивость отдельных эпизодов из разговоров Мещерского с Плеве, которыми тот делился в своих дневниках (*Новое время*. 1904. 6 (19) авг. № 1022. С. 3). Это вызвало насмешливую реакцию князя в том номере «Гражданина», что еще мог попасться Бородаевскому на глаза до написания письма (1904. 8 авг. № 63. С. 26—27).

⁴⁶ «Книгу сказок» Сологуб выпустил в 1905 году в издательстве «Гриф», а «Политические сказочки» — на следующий год в «Шиповнике».

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 3—4. При цитировании ранее не публиковавшихся писем подчеркивания обозначаются курсивом, а двойные подчеркивания — полужирным курсивом.

ся повесть, исполнен внутреннего трагизма, может быть, более сильного, чем возможная внешняя катастрофа.

„Баранчик” — прелестен, хотя, мне кажется, слова Господа Бога не совсем подходят к простой, народной ткани рассказа:⁴⁸ их можно не понять, о них можно спорить, тогда как красота самого повествования — бесспорна.

„Обруч” мне очень понравился, насмешливой и нежной улыбкой, которая трепещет в рассказе и так идет к образу старика-младенца.

Относительно „Красоты” я бы выразил сожаление по поводу краткости рассказа или, точнее, я хотел бы более полного и всестороннего развития, как [фигуры]⁴⁹ образа девушки, так и повествования; она, т. е. девушка, обаятельно-прекрасна и жаль, что Вы так мало показываете ее читателю и, не дав насладиться всесторонними проявлениями ее духа, бросаете в объятия смерти. Конечно, это во всяком случае не изъян рассказа, когда проводишь в нем упрощенную схему целого романа; никто не в праве требовать от автора широких полотен, если ему вздумается подарить нас миниатюрой.

Искренне преданный

Вам В. Бородаевский». ⁵⁰

После переезда Бородаевского в Петербург в 1909 году отношения с Сологубом получили шанс для дальнейшего развития. Однако писатель оказался в сфере притяжения Вяч. Иванова. Уже в первых письмах он просил советов у старшего товарища, а весной 1909 года был в числе слушателей ивановского курса в поэтической Про-Академии.⁵¹ Помимо всего прочего, Бородаевского и Иванова сближало отношение к идеям В. В. Розанова о христианстве, полемику с которыми Иванов начал в рамках работы в Христианской секции Религиозно-философского общества, а Бородаевский — еще посещая вместе с Розановым Религиозно-философские собрания в Петербурге.⁵² Однако важно отметить, что, как и Сологуб, философ, отзывавшийся на выход сборника в «Орах» рецензией, также представлял собой фигуру из раннего периода биографии Бородаевского.⁵³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский писал: «С 1909 года состоял членом Петербургского Религиозно-Философского Общества, где однажды выступал против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой мною с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов, а затем, в 1910 году читал там же реферат „Религиозная правда Константина Леонтьева”». ⁵⁴ Кроме этого выступления в Христианской сек-

⁴⁸ Имеются в виду слова, которые говорит Господь, решая, грешны ли главные герои рассказа — дети Аниска и Сенька, а заодно и их отец, подражая которому сестра зарезала брата: «Проливающие кровь искуплены Моею кровью, и научающие пролитию крови искуплены Мною, и тяжкою скорбью приобщаю людей к искуплению Моему» (*Сологуб Ф.* Жало смерти. М., 1904. С. 112).

⁴⁹ Слово зачеркнуто.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 5—6.

⁵¹ Однако предположение Глуховой, что рекомендовать его посещение Бородаевскому мог Розанов, представляется сомнительным (см.: *Глухова Е.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 407).

⁵² См.: *Глухова Е.* «Духовным голодом томимый...». С. 314—315; см. также: *Бородаевский В.* Из частной переписки. С. 206—209. По совпадению, в этом же номере журнала «Новый путь» помещен цикл стихотворений Иванова и рецензия Д. В. Философова на поэтический сборник Сологуба.

⁵³ См.: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 494—496.

⁵⁴ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185. Текст выступления Бородаевского был опубликован А. П. Козыревым в сборнике «Константин Леонтьев: pro et contra» (1995), перепеч.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т 2: 1909—1914. С. 91—104. Об инскрипте Розанова см.: *Михайлова И. П.* Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского. С. 211.

ции Религиозно-философского общества 28 февраля 1910 года, Бородаевский участвовал в прениях по докладу Философова о католическом «модернизме» в той же секции 20 декабря 1909 года.⁵⁵

Его отношения с Сологубом в этот период закономерным образом приобретают характер светских. Напомним, что имя Бородаевского стоит под коллективным письмом, подписанным также Блоком, Чулковым, Эрбергом, Ремизовым и Мейерхольдом, к Сологубу от 27 ноября 1909 года с просьбой приехать к ним после театра в ресторан «Малый Ярославец», «чтобы приветствовать товарищески» вышедшего из тюрьмы «нашего друга Аничкова».⁵⁶ Зимой 1909—1910 годов семья Бородаевских провела в Петербурге, где их дом стал одним из мест встречи писателей.⁵⁷ На весну—лето 1910 года они переехали в имение в Курской губернии,⁵⁸ но встречать новый 1911 год предпочли в столице. М. А. Бородаевская в своих мемуарах упоминает запись Сологуба в ее альбоме зимой 1910 года, а также красочно описывает известный маскарад 3 января 1911 года, не только оставивший след в жизни писательского сообщества, но и отозвавшийся в творчестве его участников.⁵⁹ Однако в конце концов Бородаевский выбрал жизнь помещика и позже бывал в столице лишь наездами.⁶⁰

Информацию о его дальнейших встречах и отношениях с Сологубом мы получаем из косвенных источников, в первую очередь из писем Бородаевского к сестрам Чеботаревским. Одно из двух сохранившихся посланий к супруге Сологуба, датированное 21 сентября 1915 года, свидетельствует о том, что Бородаевский не был потерян Сологубами из виду. Здесь поэт посылал два своих «военных сонета, из коих 1^й напечатан в Рус(ской) Мысли,⁶¹ второй пока в рукописи», объяснив: «Если выйдет 2е издание Вашего сборника — пьесы к Вашим услугам». Очевидно, имеется в виду второе (так и не вышедшее) издание собранной Чеботаревской антологии «Война в русской поэзии» (1915). Здесь же поэт сообщал свой адрес «На случай Вашего приезда в Курск».⁶² Как явствует из его письма к Иванову от 5 октября

⁵⁵ Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907—1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 91, 76—77.

⁵⁶ Опубликовано в комментариях к переписке Блока и Эрберга. См.: Из эпистолярного наследия Александра Блока: Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) // Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб., 2004. С. 255.

⁵⁷ Например, приглашая К. Эрберга в гости посланной 23 февраля 1910 года открыткой, Бородаевский сообщил, что будут общие знакомые и что Толстой обещал читать рассказ (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 82. Л. 1).

⁵⁸ В письме к Ю. Н. Верховскому от 29 июня 1910 года он признавался: «О Петербургских поэтах скучаю не порой, а очень часто, и вообще после Петербурга мне как-то не хватает (психически) воздуха» (опубл. в комментарии к посвященному Бородаевскому стихотворению «Богиня»: Верховский Ю. Струны. С. 831; с незначительными ошибками чтения повторно опубл.: Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 323). По воспоминаниям Бородаевской, отъезд в деревню состоялся 10 марта (Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями. С. 284). К жизни в Курской губернии поэт готовился всерьез, что отразилось в его книжном заказе, посланном, согласно штемпелю, 21 мая в московский букинистический магазин П. П. Шибанова из Кшени. Одной из этих книг был «этнографический очерк»: Абрамов И. О. О курских саянах. СПб., 1907 (см.: РГБ. Ф. 342. Карт. 11. Ед. хр. 71. Л. 2).

⁵⁹ См.: Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями. С. 282, 285—287; см. также: Обатнина Е. Р. От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 448—465.

⁶⁰ След одного из них обнаруживается в стихотворном послании Верховского к Иванову от 14 марта 1912 года: «...Скажите / (Хоть и не скажете, но все-равно — / Уж буду продолжать как начал: с Вами / Бородаевский, или уж уехал?» (Lucas v. Leyden. К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского. См.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html> (дата обращения: 10.07.2017); в комментарии к этому месту выдвигаются документированные гипотезы о дате отъезда поэта из Петербурга).

⁶¹ Имеется в виду стихотворение «Сонет (Дымок рассеялся, и только рокотали...)» (Русская мысль. 1915. № 3. С. 93).

⁶² ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 44. Л. 3.

1915 года, Бородаевский встречался в Петербурге с Сологубом, который читал ему «интересные пьесы — но твои имеют для меня особую, я бы сказал, интимно-заклинательную силу».⁶³ Разумеется, из этой скупой характеристики невозможно с уверенностью определить, какие именно стихотворения Сологуб читал Бородаевскому, однако отметим, что «Все хочет петь и славить Бога...» вошло в его книгу избранных стихотворений «Земля родная» (1916).⁶⁴

Второе письмо имеет дату 3 сентября (по содержанию — 1916 года) и также свидетельствует о налаженном общении:

«Глубокоуважаемая
Анастасия Николаевна,

С удовольствием исполню Вашу просьбу и на днях вышлю ящик яблок по Петербургскому адресу. Жаль, что Вы не пишете о сорте; вышлю часть антоновкой (для мочки) и часть десертными. Собираюсь со дня на день в Кисловодск, недели на 3, а потом в СПб.; семья, вероятно, раньше ноября не выберется, к тому же разные спешные затруднения с хозяйством смущают. Приезжие петербуржцы говорят, приходится жить чуть ли не впроголодь. Думаю, преувеличивают.⁶⁵

На днях дня 4 у нас прожил Юрий Верховский, приехавший из Тулы; читал свои новые вещи съехавшимся на этот предмет соседям и их женам.⁶⁶ Ремизовых мы не дождались; ввиду болезни Сераф(имы) Павловны все их планы были изменены.⁶⁷

⁶³ Глухова Е. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 526. Судя по всему, до Бородаевского дошли слухи о плодотворном для творчества Иванова лете 1915 года.

⁶⁴ Сологуб Ф. Собр. стихотворений. СПб., 2002. Т. 5. С. 78. Согласно «Книжной летописи», книга вышла с 6 по 19 апреля. Среди более свежих текстов Сологуба также бросается в глаза тот, чья основная мысль могла бы вызвать интерес Бородаевского: «Не презирай хозяйственных забот, / Люби труды серпа в просторе нивы, / И пыль под колесом, и скрип ворот, / И благостные кооперативы...» (Там же. С. 132, 430; дата под текстом 11 июля 1915-го, опубликовано в «Биржевых ведомостях» 6 августа того же года).

⁶⁵ Карточная система распределения продуктов питания частично была введена в России уже в 1915 году, но в Москве и Петрограде с августа 1916 года по карточкам выдавался только сахар. С декабря того же года была введена разверстка, т. е. обязательная поставка продуктов, зерновых хлебов и фуража по твердым ценам.

⁶⁶ Как легко заметить хотя бы из вышеизложенного, Бородаевский был ценителем «неоклассицизма» Верховского, например, получив от него «дружеское послание», восхищался им в цитирувавшемся выше письме от 29 июня 1910 года: «Сердечное Вам спасибо за Ваше милое и прекрасное послание, которое должно быть признано образцовым. Оно меня очень порадовало, а некоторые характеристики заставили от души смеяться. Собираюсь ответить Вам александрийским стихом (почему-то он стал мне особенно мил сейчас), но сперва помешали дела, а потом лихорадка, и я вынужден отвечать Вам речью бескрылой» (см.: *Верховский Ю.* Струны. С. 830—831, а также: *Глухова Е.* «Духовным голодом томимый...». С. 323).

⁶⁷ Приглашение посетить Бородаевских было передано через Розанова, и это, как уже отмечалось, составляет содержание его единственного известного недатированного письма к философу (см.: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 496). Отметим, что поэт еще не считал себя вправе обратиться с подобным предложением к Ремизову напрямую, объясняя это следующим образом: «Обращаюсь по этому делу именно к Вам, так (как) Вы больше и лучше нас знаете Алексея Михайловича и, зная его, можете видеть, насколько предложение мое может ему подходить, равно и Серафиме Павловне» (РГБ. Ф. 249. Карт. М3875. Ед. хр. 45. Л. 3—3 об.). Знакомство Бородаевского с Ремизовым состоялось, вероятно, уже в 1909 году. По крайней мере, в письме от 3 мая 1909 года Бородаевский просил М. М. Замятнину, которая вела деловую часть издания сборника в «Орах»: «Чтобы не забыть: Не откажите, кроме экземпляров, обычно рассылаемых в главные журналы и газеты, передать по экземпляру гр. А. Н. Толстому и А. М. Ремизову и присяжным критикам (с которыми я не знаком) — С. А. Венгеру и К. Чуковскому» (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 69. Л. 3—4; частично процитировано: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 496). В мемуарах Бородаевской упоминается визит к писателю, состоявшийся, видимо, зимой 1910—1911 годов: «Мы были с ним на шестом или седьмом этаже без лифта у Ремизовых и сидели в кабинетике, увешанном и уставленном домиками, недотыкомками и т. п.» (*Бородаевская М. А.* О моих встречах с писателями. С. 281).

В моей должности уполномоченного для ревизий курских отрядов побывал на Кавказском и Западном фронтах и видел много для меня любопытного.

Жаль, что не удалось свидеться с Вами и Федором Кузьмичем; не будете ли зимой в наших местах.

Целую Ваши ручки и шлю сердечный привет Федору Кузьмичу. Жена шлет свои приветствия.

Искренне уважающий Вас
Валериан Бородаевский». ⁶⁸

О том, что писатели встречались в Курске зимой того же 1916 года, Бородаевский сообщал Александре Чеботаревской в конце письма от 14 февраля из Курской губернии:

«Глубокоуважаемая
Александра Николаевна,

Как мне ни совестно, я к Вам опять с большой просьбой на этот раз не „общественного“, а поэтического характера. Дело в том, что я послал (только что) „Русск(ой) мысли“ небольшой цикл стихов (6 пьес), составляющих одно целое под заголовком „Зима в деревне“⁶⁹ и с гордым эпиграфом из Пушкина

Зима, что делать нам в деревне?

Цикл этот отчасти романтичен, но главным образом зарисовывает зимние деревенские картины, являясь как бы продолжением напечатанных <так!> в 13^м и 14^м годах стихам в той же „Русской мысли“.⁷⁰ Думаю, что в такой комбинации

В конце концов Бородаевский и сам пригласил Ремизова погостить в письме от 20 мая 1916 года: «На днях я вернулся из поездки на Кавказский фронт к себе домой. Собираюсь на несколько дней в СПб., но не знаю, когда доберусь: надо отдохнуть на подножном корму. Что Вы поделяете и где думаете быть летом? От лица моей жены и моего предлагаю Вам и Серафиме Павловне — если Вы не наметили еще определенного плана — приехать к нам, в тот свободный дом, о котором я говорил Вам при последней нашей встрече. Сейчас у нас стало холодно (как, впрочем, и по всей Руси), но соловьи поют наперекор погоде и, надо думать, лето все же придет <так!> по расписанию!» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 4—5). Судя по всему, Ремизов приглашение принял и даже успел сообщить адрес Бородаевских для своей деловой корреспонденции. 8 июля Бородаевский писал ему: «Вчера вернулся с фронта, на Ваше имя есть письма — посылаю. Кроме того, из конторы „Лукоморья“ пришло 50 руб. Выслать ли Вам или нет? Как здоровье Серафимы Павловны? Ждем Вашего приезда»; 17 июля телеграммой просил распоряжений насчет денег, а 18-го сообщал, что кроме 50 рублей из «Лукоморья» пришло еще 25 из журнала «Весь мир» (возможно, имеется в виду гонорар за цикл из трех публикаций в журнале «Лукоморье» (1916. 9 апр. № 15/16. С. 8—12), а также за сказку «Кукушка» в журнале «Весь мир» (1916. Август. № 34. С. 2—3)). 21 июля М. А. Бородаевская, пересылая Ремизову эти 75 рублей, на отрывном купоне перевода сообщала: «Муж в Тиму на сессии мирового суда. Еще получена посылка ценная на 20 руб. из Борзны для Серафимы Павловны, пока она оставлена на почте. Что с ней делать? Очень жалею, что Ваша поездка к нам так грустно откладывается» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 1—3, 8; упоминается уездный город Черниговской губернии, близ которого находилось имение родственников С. П. Ремизовой-Довгелло, где жила их с Ремизовым дочь Наташа).

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 44. Л. 1—2 об.

⁶⁹ В архиве «Русской мысли» сохранилось это письмо Бородаевского, датированное тем же 14 февраля 1916 года. В нем писатель пояснял: «При этом прилагаю *лирический цикл* „Зима в деревне“, который я хотел бы видеть на страницах Вашего уважаемого журнала. Цикл этот (объединенный развитием одной темы) отчасти примыкает к напечатанным в „Русской Мысли“ за 1913 г. — 14 г. моим пьесам о деревне (вошедшим в книгу «Уединенный Дол»). Как одно целое, хотел бы видеть стихотворения в одной книге в предлагаемой последовательности» (ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 74. Л. 1; на письме карандашная помета «Прин(ято) <автор> ув(е-домлен) 24/II 916).

⁷⁰ Имеются в виду две подборки под одним названием «Из цикла „Деревня“», опубликованные в октябрьском (X) номере «Русской мысли» за 1913 год (С. 41—44; шесть стихотворений: «На балконе», «Иволга», «Береза», «Дом дедов», «Казанская» и «Тревожен лепет

цикл для журнала приемлем, и редакция не раздробит его, что было бы нежелательно. Главная моя к Вам просьба: нельзя ли попросить П. Б. Струве (с которым до сих пор не довелось познакомиться) или кого надлежит, чтобы цикл этот был помещен в *Мартовской* книге, т. е. зимний цикл — зимой же. Это имеет психологическое (для читателей) значение. Весной о зиме скверно читать. Помня, что Вы предлагали мне познакомиться с Петром Бернгард(овичем Струве) в связи с поэтическими заботами о напечатании стихов — я и решаюсь попросту, без затей к Вам постучаться.⁷¹

В Курске виделся на лекции с Анастасией Никол(аевной) и Федором Кузьмичем и был у них (вместе с женой).⁷²

После Масляной рассчитываю приехать в СПб., после чего, вероятно, еду на фронт, ибо я избран от Курского Земства в ревизионную комиссию земских госпиталей — в почтенной компании из трех черносотенцев, членов Госуд(арственной) Думы.⁷³ Избран я как представитель „либеральной оп(п)озиции”.

темных верб...») и февральском (II) за 1914 год (С. 1—4; четыре стихотворения: «Февраль», «Приказчик», «На выборах» и «Багрянородному»). Обратим внимание, что стихотворение «Февраль» попало именно в февральский номер журнала, и поэт явно хотел повторить эту синхронизацию. 9 октября 1913 года Бородаевский писал Иванову: «Еще раз большое спасибо за помощь для вторжения в „Русскую мысль”» (*Глухова Е.* Вячеслав Иванов и Валерия Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 525). Отметим, что в 1911 году в журнал его уже приглашал (правда, без успеха) и Брюсов, как сам Бородаевский упоминал в письме к тому же адресату (см.: Там же. С. 524).

⁷¹ Цикл «Зима в деревне» появился в апрельском (IV) номере «Русской мысли» за 1916 год (см.: *Бородаевский В.* Посох в цвету. С. 132—135).

⁷² В 1913—1916 годах Сологуб осуществил ряд турне по России с просветительскими лекциями, объехав «огромные пространства Российской империи — от Вологды до Одессы, от Риги до Иркутска» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 297). Судя по письмам к жене, 9 февраля 1916 года он выступал в Нижнем Новгороде, а 24-го уже прибыл с той же целью в Полтаву (Там же. С. 356—357). Однако первым городом на его пути был именно Курск, родина сестер Чеботаревских. Супруги отправились туда через Москву, где 18 января в Камерном театре встретились с Вяч. Ивановым на лекции Сологуба о современном театре. В письме от 22 января (датируется по штемпелю) из Курска Ан. Н. Чеботаревская сообщила сестре: «Прямо с вокзала побежала на эту улицу посмотреть на наш дом... все на месте, равнодушное и чужое... Виделись с Бородаевскими — они были на лекции (...)» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 35; этой цитатой с нами также щедро поделился А. Л. Соболев). Ни одна из выходящих на тот момент в Курске газет («Курская боль», «Курская газета» и «Курские губернские ведомости») не откликнулась на приезд писателя, и только щуплый еженедельник «Курский театр» уже 17 января поместил на видном месте объявление о лекции, снабдив его памяткой в жанре хроникальной заметки: «Напоминаем нашим читателям о том, что в среду 20 января в зале общественного клуба известный писатель Федор Сологуб прочтет публичную лекцию „Россия в мечтах и ожиданиях”» (Курский театр. 1916. 17 янв. № 3. С. 9; ту же самую лекцию писатель читал и в Политехническом музее в Москве; впечатления ее слушателя см.: *Розинский В.* Воспоминания и встречи // *Русская мысль*. 1977. 28 апр. № 3149. С. 2). 23 января Сологуб писал жене, которая тем же путем, через Москву, поехала в Петербург: «Выехал я из Курска в 5 ч. 30 м. вечера, так что на вокзале в Курске успел поесть как следует» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 348).

⁷³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский вспоминал: «В 1899 г. окончил Горный Институт и около трех лет после того работал на рудниках Юга России. Затем я жил в своем имени, занимался сельским хозяйством и вошел, как активный член, в малочисленную оп(п)озиционную группу Курского Земства» («При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185). О деятельности Бородаевского на этом посту со ссылкой на комментируемое письмо см.: *Михайлова И. П.* Первая мировая война в семье Бородаевских // *Курская губерния и куряне в Первой мировой войне: Курский военно-исторический сборник*. Курск, 2014. Вып. 14. С. 41—43 (см: <http://old-kursk.ru/book/korovin/1914-p041.html#sd140a>; дата обращения: 27.07.2017); а в качестве земского комиссара после Февральской революции см.: *Михайлова И. П.* Курский период жизни и творчества поэта Валерия Бородаевского // *Авторские миры в художественном тексте XIX—XX веков: Материалы Международной научной конференции* (Курск, 28—30 июня 2013 г.). Курск, 2014. С. 182—183. Отметим, что «черная согня кума» (Бородаевского) упоминается в дружеском послании Иванова к его жене, написанном в феврале 1910 года, т. е. накануне их отъезда в дерев-

Жена и я шлем Вам наш сердечный привет.
Искренне Вам преданный В. Бородаевский».⁷⁴

После этого Бородаевский в очередной раз посетил Петербург весной 1916 года, что нашло свое отражение в дарственных надписях ему на «Глиняных голубках» Кузмина (март 1916-го) и «Укрепе» Ремизова (2 марта).⁷⁵ Почтовый штемпель на открытке к Ал. Н. Чеботаревской, посланной из номеров Пале-Рояль на Пушкинской улице, популярного места жительства приезжавших в столицу литераторов, имеет дату 25 февраля 1916 года. Несмотря на недавнее появление писавшего в столице, текст выдает человека, находящегося в гуще литературных событий:

«Глубокоуважаемая Александра Николаевна,

К сожалению, затерял № Вашего телефона, не знаю, когда удобнее застать Вас дома. Сейчас у меня к Вам большая просьба — не моя лично, а касается А. Белого. Мне передавали, что дело о напечатании „Петербургa” терпит цензур(ные) затруднения. Дело это ведал Иванов-Разумник. Нельзя ли выяснить, в руках какого цензора или цензур(ного) отделения этот вопрос; находится лицо, которое, кажется, может помочь. Вы всех знаете, а м(ожет) б(ыть,) узнаете и это. Пожалуйста ответьте открыткой. Искренно преданный В. Бородаевский».⁷⁶

Речь идет о цензурном разрешении отдельного издания романа, которое представляло собой вырезанные из нераспроданных сборников «Сирин» и сброшюрованные в книгу главы «Петербургa», «с перепечаткой двух соединительных листов между частями, но без всяких перемен». Последние слова принадлежат Иванову-Разумнику, который входил в состав редакционного совета издательства «Сирин» и держал связь с Белым от его имени, а также «организовал и осуществил в 1916 г. отдельное издание „Петербургa”».⁷⁷ Творческой истории романа он посвятил статью «К истории текста „Петербургa”», где привел и список цензурных изъятий для публикации в сборниках «Сирин».⁷⁸ По поводу книжного издания Иванов-Разумник сообщал Белому в письме от 26 марта 1916 года: «Дело так было: еще в декабре А. А. Блок и я решили попросить разрешения бывших издателей „Сирина” на выпуск отдельным изданием „Петербургa”, сброшюрованного из трех сборников. Издатели ответили согласием, — и немедленно же передали нам все оставшиеся у них экземпляры сборников, — каждого оказалось по 6000, — а я немедленно отправил один сброшюрованный экз(емпляр) в цензуру, где он пробыл более чем 1½ месяца... Теперь он благополучно вышел из цензуры и ждет очереди у брошюровщика <...>».⁷⁹ В комментарии к этому письму сам Иванов-Разумник пояснял: «В конце января 1916 года роман был представлен в военную цензуру, где с ним произошел

ню (Иванов В. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов: dubia // Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Рипци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 27).

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 1—2 об.

⁷⁵ Михайлова И. П. Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского. С. 214—215. Отметим, что ремизовский инскрипт на седьмом томе собрания сочинений датирован 23 апреля 1916 года, но было ли это сделано в тот же приезд, пока сказать затруднительно.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 8.

⁷⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 9.

⁷⁸ См.: Иванов-Разумник Р. В. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 91, 93—94; см. также: Долгополов Л. К. Текстологические принципы издания // Белый А. Петербург. М., 1981. С. 629.

⁷⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 65.

неожиданный анекдот: военный цензор предложил переименовать роман „Петербург” в „Петроград”, ввиду того, что уже в конце 1914 года такое переименование города было произведено по высочайшему повелению... Однако цензора удалось убедить, что высочайшее повеление не распространяется на роман, в котором Петербург описывается до 1914 года. Цензурное разрешение было дано 23 февраля 1916 года — и в начале марта это отдельное издание „Петербурга” вышло в свет.⁸⁰

Отметим также, что именно 7 февраля 1916 года помечено одно из двух стихотворений Бородаевского, «Лилово небо, поле бело...», которое было подарено им Александре Чеботаревской для ее альбома. Оно сохранилось среди бумаг Чеботаревской вместе с другим стихотворением под названием «Подражание Гариванзе», которое не известно современному читателю.⁸¹ Пользуемся случаем исправить это упущение:

Александре Николаевне Чеботаревской

ПОДРАЖАНИЕ ГАРИВАНЗЕ

Одна среди немых полей
Я шла на склоне дня, —
Змея любви, змея страстей
Ужалила меня.

Весенний воздух так душист,
Так свеж, — и я горю;
К стеблю прижался нежно лист,
И гасит ночь зарю.

Тебя люблю — и жду речей,
Печальна и чиста...
Звезда любви, звезда страстей
Ко мне моя звезда!⁸²

В заключение отметим, что последнее письмо к Александре Чеботаревской завершает пунктирно намеченную на этих страницах тему политической ориентации Бородаевского. Сотрудник знаменитого «Русского вестника», некогда издававшегося Катковым и Леонтьевым, а в момент его участия — консерватором и империалистом В. Л. Величко,⁸³ читатель князя Мещерского, Бородаевский постепенно

⁸⁰ Там же. С. 66. О своих встречах с Белым в кругу антропософов Бородаевский упоминал в недатированном (возможно, майском) письме к Чеботаревской: «Был я за границей недель 5, в Мюнхене, Роттенбурге и Вене. Видел Андрея Белого, слышал „Доктора”» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 4 об.). О его присутствии на курсе Штейнера в конце марта 1914 года и посещении строительства Гетеанума см.: *Глухова Е.* «Духовным голодом томимый...». С. 338. Не исключено, что именно тогда состоялась скупо описанные в мемуарах супруги поэта ее встречи с Белым и Тургеневой (*Бородаевская М. А.* О моих встречах с писателями. С. 291—292).

⁸¹ Этот текст открывает машинописную роспись первого из альбомов Чеботаревской (см.: *Обатнин Г. В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // *Русская литература.* 2014. № 2. С. 265). Здесь же разъясняется название стихотворения, позаимствованное из заглавия индийской эпической поэмы.

⁸² ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 198. Л. 1. Добавим, что в коллекции Е. А. Бурцева отложились еще два неопубликованных стихотворения, которые на основании карандашной пометы идентифицированы в описи как принадлежащие перу Бородаевского. Это «Люблю я скорь твою — суровый след...» и «Когда земле мы землю отдадим...» (ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1—2). Однако эта атрибуция вызывает пока некоторые сомнения. Впрочем, отметим, что Бородаевский сообщал А. М. Кожебаткину в недатированном письме: «Согласно Вашему предложению посылаю Вам два стихотворения для альманаха Альциона. Не зная рамок и общего духа сборника, не уверен, подойдут ли стихи к целому книги» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 506. Л. 1). В первую книгу альманаха «Альциона» (1914) стихи Бородаевского не вошли, однако не исключено, что они предназначались для его продолжения, которое так и не последовало.

⁸³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский сообщал: «В 1903 году в „Русском Вестнике” (редакции В. Л. Величко) помещена моя статья „О трагизме в христианстве”, которая бы-

становится «либеральной оппозицией», хотя еще и ставит это выражение в ироничные кавычки. Датированная 26 числом (очевидно, марта) записка к Чеботаревской написана на обороте печатной листовки с его стихотворением «Песнь народу русскому» (дата под текстом 3 марта 1917 года; 7 марта было также опубликовано в газете «День»).⁸⁴ Обстоятельства появления этого летучего издания выясняются из текста самого письма:

«Глубокоуважаемая Александра Николаевна,

Не успел перед отъездом побывать у Вас, так много было в эти первые мартовские числа хлопот и переживаний. Перед отъездом, радуясь свободе печати, заказал эти бланочки, которые мне девать здесь некуда. Думаю в Курске прочесть реферат о событиях. Жена шлет Вам свой сердечный привет. Пожалуйста, один листок передайте Анастасии Николаевне.

Искренне преданный Вам. Борода(евский)».⁸⁵

Нам лишь остается добавить, что внук поэта еще в 1960-е годы передал такую же «листовку» в краеведческий музей села Желанное Шацкого района Рязанской области, где она заняла свое место в экспозиции.⁸⁶

ла в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенном в гущу соблазнов и метаний» (см.: «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 615—624).

⁸⁴ Частично приводится в статье Е. В. Глухой «Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений» (с. 510). Полный текст см.: *Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 136—137.

⁸⁵ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 9.

⁸⁶ *Бородаевский А. Пропажа, или Альбом моей бабушки // Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 304.

© В. Б. Зусева-Озкан

ОБРАЗ ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ*

Образ девы-воительницы представляется крайне значительным в творческом мире Марины Цветаевой: он не просто присутствует в отдельных ее произведениях, но появляется в разных вариациях и под разными именами на всем протяжении ее творчества, причем порой в самых неожиданных контекстах. Более того, он примерялся Цветаевой на себя лично — в жизни или, точнее, в биографическом мифе; примерялся он на нее и окружавшими ее людьми (например, К. Д. Бальмонтом, Т. В. Чурилиным, Ю. П. Иваском) — как в прижизненных документах, так и в воспоминаниях.

В этой статье мы постараемся проследить *константы* образа воительницы у Цветаевой (почти не касаясь его источников — в силу ограничений объема) и прочертить линии *эволюции* в его креативной рецепции поэтом. В научной литературе, насколько нам известно, такая попытка до сих пор не предпринималась, хотя отдельные грани этой темы внимание уже привлекали — по касательной, в связи

Вероника Борисовна Зусева-Озкан — ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.